

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовой профиль

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния»

Студент

Н.А. Васильев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук., профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

Российская Федерация, будучи демократическим правовым государством, берёт на себя задачу обеспечить полноценную защиту как общества, так и отдельно взятой личности от противоправных посягательств, что актуализирует поиск оптимальных путей такой защиты. Результат в виде реального обеспечения необходимого уровня защищённости общественных благ и благ конкретного члена общества от противоправных действий – есть слагаемое многих составляющих деятельности государства в обозначенном направлении.

Такой результат может (и должен) быть достижим как посредством усилий правоохранительной системы и установления уголовной ответственности за соответствующие преступные деяния, так и путём обеспечения реальной возможности граждан осуществлять свою самозащиту, а также защиту иных лиц.

Тема необходимой обороны и её допустимых пределов является социально-острой, что обуславливает то пристальное внимание, что уделяется ей в науке и правоприменении. Актуальные проблемы, связанные с институтом необходимой обороны, создающим правовую основу для проявления гражданами своей сознательности в направлении противодействия преступности, несомненно заслуживают такого внимания.

Цель работы: рассмотреть особенности уголовно-правового регулирования института необходимой обороны и определить пути его совершенствования в действующем законодательстве.

В рамках исследований, предпринятых в сфере необходимой обороны, стоит выделить работы таких авторов как: А.С. Аршинов, Е.И. Гончаров, Е.А. Баранова, А.В. Разилова и других исследователей.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Исторический аспект возникновения необходимой обороны, как обстоятельства, исключающих преступность деяния, в отечественном уголовном праве	8
1.1 Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, их юридическая природа и значение.....	8
1.2 Правовое регулирование института необходимой обороны в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния, в истории уголовного законодательства России	12
Глава 2 Понятие, сущность и условия правомерности необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего преступность деяния	17
2.1 Понятие необходимой обороны, ее сущность и юридическая природа....	17
2.2 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к общественно опасному посягательству	24
2.3 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите от общественно опасного посягательства	30
2.4 Мнимая оборона и превышение пределов необходимой обороны: понятие, правовые последствия и значение	32
Глава 3 Соотношение необходимой обороны с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния	46
3.1 Соотношение необходимой обороны и обоснованного риска	46
3.2 Отличие необходимой обороны от других обстоятельств, исключающих преступность деяния	47
Заключение	51
Список используемой литературы и используемых источников.....	57

Введение

Актуальность исследования. Российская Федерация, будучи демократическим правовым государством, берёт на себя задачу обеспечить полноценную защиту как общества, так и отдельно взятой личности от противоправных посягательств, что актуализирует поиск оптимальных путей такой защиты. Результат в виде реального обеспечения необходимого уровня защищённости общественных благ и благ конкретного члена общества от противоправных действий – есть слагаемое многих составляющих деятельности государства в обозначенном направлении.

Такой результат может (и должен) быть достижим как посредством усилий правоохранительной системы и установления уголовной ответственности за соответствующие преступные деяния, так и путём обеспечения реальной возможности граждан осуществлять свою самозащиту, а также защиту иных лиц. Такая защита, в ряде случаев, выступает важнейшим инструментом защиты от общественно опасных последствия, в том числе в виде причинения тяжкого вреда здоровью или лишения жизни.

Исследователи подчеркивают, что конституционные и уголовно-правовые нормы о необходимой обороне отражают актуальность данного института и его значимость для современной правовой системы России. Необходимая оборона является законным способом, благодаря которому лица могут защищать как свои интересы, так и интересы других лиц.

Эффективность использования такого правового средства противодействия преступным проявлениям, зависит не только от совершенства соответствующей уголовно-правовой конструкции, но и от того, насколько реально субъект может воспользоваться правом на необходимую оборону, не испытывая страха быть за это привлечённым к уголовной ответственности.

Тема необходимой обороны и её допустимых пределов является социально-острой, что обуславливает то пристальное внимание, что

уделяется ей в науке и правоприменении. Актуальные проблемы, связанные с институтом необходимой обороны, создающим правовую основу для проявления гражданами своей сознательности в направлении противодействия преступности, несомненно заслуживают такого внимания. Данный уголовно-правовой институт обозначен в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [45] (УК РФ).

Правовая возможность, реализуемая в рамках необходимой обороны, служит одним из способов реального воплощения в жизнь государственной гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, а также права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, что находят своё закрепление в ст. 45 Конституции Российской Федерации [17] (Конституции РФ).

Подобное право на осуществление активного противодействия посягательству присуще, по сути, всем законодательным системам, причём начиная с этапов формирования правовых норм в далёком историческом прошлом. Анализируемый институт также являет собой эффективное средство предупреждения преступлений.

Определение пределов необходимой обороны является одним из наиболее сложных вопросов для правоприменителя. Недостаточно тщательная проработка законодателем уголовно-правовых норм о необходимой обороне, и ряд недостатков правового регулирования данной разновидности обстоятельств, исключающих преступность деяния, обуславливает необходимость реконструкции соответствующих норм УК РФ, дополнения и уточнения формулировок.

Проблемы определения критериев допустимости необходимой обороны вызывают внимание не только научного сообщества, но и правоприменителя, в связи с чем Пленумом Верховного Суда Российской Федерации принято отдельное Постановление от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [28].

Более того, в связи с возникновением в правоприменении новых сложностей, сопряжённых с данным уголовно-правовым институтом, Пленум Верховного Суда РФ обозначил своё намерение в ближайшем будущем уточнить критерии необходимой обороны и внести соответствующие изменения в действующее Постановление по данному вопросу. Сказанное обуславливает повышенную актуальность данной темы исследования.

Цель исследования: рассмотреть особенности уголовно-правового регулирования института необходимой обороны и определить пути его совершенствования в действующем законодательстве.

Задачи исследования:

- рассмотреть обстоятельства, исключаящие преступность деяния с точки зрения истории и современного регулирования;
- сформулировать понятие, определить сущность и правовую природу института необходимой обороны;
- проанализировать условия правомерности необходимой обороны;
- определить соотношение необходимой обороны с другими обстоятельствами, исключаящими преступность деяния;
- сформулировать предложения, направленные на совершенствование существующего уголовно-правового регулирования и правоприменения.

Объект исследования – комплекс общественных отношений, связанных с предусмотренным уголовным законом правом граждан на необходимую оборону.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, связанные с реализацией законодательных положений о необходимой обороне, как обстоятельстве, исключаящем преступность деяния.

Методология исследования: в основе проведенного исследования метод сравнительного анализа, историко-правовой метод и другие методы,

применяемые в современных научных исследованиях в области юриспруденции.

Степень разработанности темы исследования. Соответствующая проблематика на протяжении многих лет раскрывалась в многочисленных работах отечественных специалистов. При этом, проблематика темы так и не была исчерпана. Отдельные аспекты, исследуемые в советский период развития отечественного государства и права, сохраняют свою актуальность, применительно к институту необходимой обороны, и в современных политико-правовых реалиях.

В рамках исследований, предпринятых в сфере необходимой обороны, стоит выделить работы таких авторов как: А.С. Аршинов, Е.А. Баранова, Е.И. Гончаров, Д.А. Даровских, А.Г. Кибальник, А.В. Разилова и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Исторический аспект возникновения необходимой обороны, как обстоятельства, исключающих преступность деяния, в отечественном уголовном праве

1.1 Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, их юридическая природа и значение

Уголовно-правовые нормы представляют собой общеобязательные запреты, они имеют карательный характер и призваны способствовать решению общегосударственных задач. Уголовно-правовая норма – это общеобязательное государственно-властное предписание, с помощью которого происходит регулирование уголовно-правовых отношений.

В большинстве мировых уголовно-правовых систем встречаются нормы, отражающие условия, при которых деяния, содержащие признаки преступления (общественно опасного деяния) и причиняющие вред человеческим благам, преступлением не признаются.

Как верно указывается авторским коллективом под редакцией В.К. Дуюнова, «следственно-судебная практика встречается со случаями причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам и ценностям при обстоятельствах извинительного характера, когда такой вред причиняется по общественно одобряемым мотивам в интересах личности, общества либо государства» [42, с. 158].

Данные уголовно-правовые нормы в настоящий момент сгруппированы и выделены законодателем в отдельную главу 8 УК РФ, которая называется «Обстоятельства, исключающие преступность деяния».

Современная научная литература не содержит единства мнения относительно правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния. В зависимости от точки зрения, с которой рассматриваются данные обстоятельства, и, безусловно, в зависимости от авторского подхода, данные обстоятельства могут расцениваться как:

- обстоятельства, исключаящие общественную опасность;
- обстоятельства, исключаящие противоправность;
- обстоятельства, исключаящие наказуемость деяния и т.д.

Преступность деяния представляет собой правовое явление, которое во многом отражается в объективной стороне преступления. Не согласимся с точкой зрения А.В. Наумова, который считает, что «все такие обстоятельства исключают и общественную опасность, и противоправность, и ответственность, и наказуемость, и вину субъекта, совершившего деяние» [14, с. 237]. Дело в том, что для каждого обстоятельства данного рода, существуют разные основания такого исключения.

Например, сложно отрицать тот факт, что при необходимой обороне формально признак вины сохраняется, и, несмотря на то, что вина является основным признаком субъективной стороны преступления, она может не учитываться, а сам факт виновного причинения вреда в состоянии необходимой обороны уже не расценивается в качестве преступления.

Еще одним примером может выступать факт причинения вреда лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа. В данном случае признак общественной опасности однозначно в деянии присутствует, и опять же формально, деяние может считаться преступлением. Однако закон относит такое деяние к не преступному, поскольку сам факт того, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, совершило его не умышленно, а руководствуясь приказом, не может являться признаком преступления.

Иными словами, для отдельных обстоятельств, исключаящих преступность деяния, существует разные основания исключения преступности деяния, и каждый отдельно взятый случай должен рассматриваться индивидуально.

С середины XX в. в качестве господствующего термина в советской доктрине уголовного права закрепился термин «обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния». Большинство ученых того периода, как и законодатель, придерживались точки зрения, что отсутствие

общественной опасности является признаком, исключающим преступность деяния. Данное обстоятельство обуславливается тем, что «не каждое деяние, по своей сути обладающее признаками того или иного преступления, в действительности является общественно опасным» [38, с. 77].

Примечательно, что, несмотря на то, что еще в период расцвета советской классической уголовной школы, вышеприведенное положение подвергалось критике. Однако и на сегодняшний день в современной отечественной уголовно-правовой литературе можно найти сторонников данной теории.

Так, например, согласно В.В. Орехову: «общественная опасность является объективной реальностью и деяние, совершенное в рамках любого из обстоятельств, сохраняет характеристику общественно опасного» [23, с. 36].

При этом, как обосновывается специалистами, социально-правовая оценка подобных действий, исключает преступность деяния. Как указывается авторским коллективом под редакцией В.К. Дуюнова, «при совершении таких действий (бездействия) лицо руководствуется нравственно оправданными мотивами в общественно полезных целях. Подобные действия (бездействие) лишены общественной опасности, а с точки зрения уголовного права – и противоправности» [42, с. 158].

Значение анализируемого круга обстоятельств, несомненно, довольно сложно переоценить, причём роль данных обстоятельств проявляется не в некой абстрактной форме, а в непосредственном значении для жизнедеятельности цивилизованного общества и каждого отдельно взятого его члена.

Реалии общественной жизни таковы, что любой индивид вполне может стать невольным участником ситуации, обуславливающей необходимость реализовать предусмотренное законом право на необходимую оборону и причинить вред объекту уголовно-правовой охраны.

В этой связи, «правильное понимание и применение норм уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должно содействовать предупреждению случаев необоснованного привлечения к ответственности людей, совершивших социально полезные действия, хотя и причинившие вред. Уголовно-правовые нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должны стимулировать формирование у населения активной жизненной позиции, воспитывать граждан в духе противодействия преступлениям, проявления предпринимательской и профессиональной инициативы в общественно полезных целях и интересах личности, общества и государства» [42, с. 158].

В настоящий момент, действующее уголовное законодательство в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусматривает:

- необходимую оборону (ст. 37 УК РФ),
- причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ),
- крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ),
- физическое и психическое принуждение (ст. 40 УК РФ),
- обоснованный риск (ст. 41 УК РФ),
- исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Не случайно, необходимая оборона, как одно из ключевых обстоятельств, исключающих преступность деяния, обозначена в данной системе первой. Специалисты единодушны в определении особого социального значения указанного института, имеющего глубокие исторические корни.

Обозначим далее особенности формирования правовых норм, регламентирующих необходимую оборону в истории уголовного законодательства России.

1.2 Правовое регулирование института необходимой обороны в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния, в истории уголовного законодательства России

Институт необходимой обороны, по праву занимающий важное место в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния, знаком отечественному уголовному законодательству с давних времён.

Как указывают отдельные авторы, «в те далёкие времена, до возникновения государства в современном понимании, право на самозащиту реализовывалось людьми в меру своих сил, навыков и собственных представлений о справедливом и несправедливом. Однако, данное право потребовало в конечном итоге регулирования, поскольку существовало наказание за убийство и причинение вреда здоровью, а наказывать в одинаковой мере обыкновенного убийцу и человека, сопротивлявшегося нападению, было явно нельзя – это не соответствовало моральным нормам, господствовавшим в то время. Как следствие, ещё в древние времена сформировалось представление о необходимой обороне как том обстоятельстве, которое смягчает или же исключает уголовную ответственность» [6, с. 46].

Прообраз института необходимой обороны включал себя элементы кровной мести. Например, в законах XII таблиц, действовавших в Древнем Риме, было предусмотрено следующее: «Если совершивший в ночное время кражу убит [на месте], то пусть убийство [его] будет считаться правомерным... При свете дня... если сопротивляется с оружием [в руках], созови народ» [24, с. 11].

Таким образом, законодатель прошлого предпринял попытку конкретизации обстоятельства, которое позволяло бы разграничить убийство, влекущее наказание, и причинение смерти преступнику, наказание не влекущее и являющееся оправданным в контексте правовой ситуации.

Очевидна логика приведённого положения: в ночное время вряд крайне сложно рассчитывать на противодействие преступнику силами соседей, а значит, появляется нужда отражать посягательство самому, посредством доступных способов – вплоть до убийства посягавшего.

В дальнейшем, уже в средневековой Европе роль правомерной самозащиты продолжала возрастать, что нашло своё отражение в собраниях средневекового законодательства – так называемых «варварских Правдах» и королевских установлениях.

В Салической и Баварской Правдах были нормы, по которым вор, которого застали ночью в чужом доме, мог быть убит, что созвучно с нормативными положениями законов XII таблиц.

Обращаясь к нормам отечественного уголовного законодательства прошлого, в частности, нормам «Русской правды» (краткая редакция), можно также найти прообраз института необходимой обороны в ст. 38: «Аще убьют татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убит [тои есть]; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в нем. [Оже убиен тать, а подымут ноги во дворе, ино убит, оли подымут ноги за ворота, тот платити в нем]» [35].

По мнению М.Б. Свердлов, «справедливость подобной правовой нормы очевидна» [36, с. 87], что позволяет сделать вывод об определённой начальной проработке анализируемого института в положениях уголовного законодательства древности.

Следующим упоминанием прообраза искомого института стали положения Артикула воинского 1715 г. [1], появившегося в период правления Петра I, созданного с учётом положений германского права, в частности, «Каролины».

В артикуле 157 содержится следующее: «Оный, который предлагает, что он обороняя себя, оного убил, имеет доказать, что он не зачинщик драки

был, но от убитого нападен и зацеплен, и что он без опасения смертного уступить или уйти не мог».

Примечательно, что законодатель прошлого в рамках указанного документа, достаточно чётко прорабатывает условия, определяющие правомерность оборонительных действий: «Ежели нападение учинитца оружием, то мочно оружием обороняться; ежели же без оружия, то и противитися без оружия надлежит. Ежели смертной страх есть, то надлежит обороняться как возможно».

Таким образом, определялось соотношение характера нападения и средств обороны, применение которых не создавало превышения мер необходимой обороны. Нападение с оружием – допустимо отражение нападения с использованием оружия; нападение без оружия – соответственно, допустимым является отражение нападения без оружия. При этом, если обороняющийся предполагает, что имеется угроза его жизни – допустимыми являются любые средства отражения нападения.

Подобный подход в достаточной мере соотносится с положениями действующего законодательства.

Кроме того, как отмечается исследователями, применительно к вышеназванному документу, «нарушение пределов необходимой обороны приводило к наказанию, но более мягкому, чем при простом убийстве: например, тюрьма или штраф. Кроме того, в артикуле 205 предусматривалась возможность освобождение от уголовной ответственности лица, убившего осужденного, который оказывал сопротивление при задержании» [20, с. 345].

В отличие от вышеназванного правового документа, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [47], в определённой мере, совершило откат от достигнутого. Тем не менее «необходимость обороны» была отнесена к числу причин «по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину» (ст. 92 Уложения).

В качестве интересной новации, следует отметить, что законодателем была выделена отдельная социально значимая форма обороны: «оборона со

стороны женщины против посягающего насильственного на ее целомудрие и честь» (ст. 102 Уложения).

Также законодатель определил важный аспект необходимой обороны, характеризующий данный институт и в современном действующем законодательстве: «употребление мер необходимой обороны допускается не только для собственной своей защиты, но и для защиты других, находящихся в таком же положении» (ст. 103 Уложения).

То есть, институт необходимой обороны понимался не только как самооборона, но и как оборона в интересах других лиц.

Очередное знаковое реформирование, связанное с переходом от дореволюционного к советскому уголовному законодательству после Октябрьской революции 1917 г., в контексте становления советского государства и права.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 г. [27], необходимая оборона была обозначена аналогичным дореволюционному праву образом: «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападавшего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны» (ст. 15 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР).

В дальнейшем, в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [26] положение, регламентирующее институт необходимой обороны была обозначена советским законодателем более кратко.

Дальнейшее оформление данное законоположение получило уже в ст. 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося

или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» [11].

Следующая нормативная вариация нормы, регламентирующей применение необходимой обороны нашла своё отражение в УК РСФСР 1960 г.: «Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» [46] (ст. 13).

Такой подход в формулировании института необходимой обороны максимальным образом близок действующему нормативно-правовому регулированию, имеющему место в ст. 37 УК РФ.

Таким образом, можно отметить, что институт необходимой обороны прошёл длительный период своего формирования и развития, формируясь и обретая современное выражение, по мере формирования и совершенствования отечественного уголовного законодательства.

Глава 2 Понятие, сущность и условия правомерности необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего преступность деяния

2.1 Понятие необходимой обороны, ее сущность и юридическая природа

Любой правовой институт, независимо от своей отраслевой принадлежности, нуждается в соответствующем непротиворечивом, отвечающим требованиям законодательной техники, нормативном определении и закреплении.

Соответствующая работа законодателя в данном направлении выразилась в формулировании отдельной уголовно-правовой нормы (ст. 37 УК РФ) в рамках главы 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния».

Говоря о понятии исследуемого института, стоит заметить, что законодатель не даёт нам соответствующее нормативное определение, ограничиваясь лишь констатацией того, что именно отнесено к данному институту и каковы условия правомерности необходимой обороны.

Для правильного понимания сущности исследуемого явления, следует проанализировать правовую природу данного института, а также определить соотношение данного института с иными уголовно-правовыми институтами.

Правовая природа необходимой обороны понимается различным образом, но все имеющиеся точки зрения можно свести к ряду концепций.

Первая из подобных концепций (естественно-правовая) находит своё отражение в ряде трудов такого специалиста XIX столетия, как А.Ф. Кони [16, с. 120].

Следуя основным моментам этой концепции, анализируемое право является естественным и закономерным явлением в ситуации, когда государство оказывается неспособным в определённых условиях обеспечить

безопасность личности и общества, относительно противоправного посягательства.

Возможность обороняться в момент совершения противоправного посягательства позволяет удерживать некое объективное равенство между членами общества [38, с. 78], указывают специалисты.

Аналогичная по своей сути трактовка присутствует и в работах современных специалистов. Е.И. Гончаров, в частности, определяет право на необходимую оборону как «естественное, данное каждому гражданину право. Его естественность состоит в том, что оно не создается государством, но признается и санкционируется им» [8, с. 26].

То есть, реакция индивида на противоправное посягательство по своей природе естественна и связана с инстинктом самосохранения. В этой связи устанавливать запрет необходимой обороны бессмысленно и не рационально.

Тем не менее, такая концепция вступает в определённое противоречие с санкционированным государством осуществлением оборонительных действий, направленных на защиту интересов других лиц, в то время как инстинкт самосохранения предполагает защиту лишь самого себя.

Таким образом, мы сталкиваемся с ограниченностью естественно-правовой концепции института необходимой обороны.

Данные концептуальные «пробелы» в некоторой степени преодолевается в рамках второго подхода, реализуемого социально-политической концепцией.

«Государство в современном понимании основывается на комплексе политических и экономических отношений, стабильность которых – есть залог эффективного функционирования. В контексте данных общественных отношений происходит реализация правового статуса человека и гражданина. По этой причине государство, в лице соответствующих органов, применяя правовые средства, признает необходимую оборону, осуществляемую гражданами, социально полезной, накладывая, при этом, на подобные действия ряд ограничивающих условий, несоблюдение которых

ставило бы важнейшие общественные отношения, на которых базируется государство, под угрозу» [5, с. 31] – отмечается в публикациях, посвящённых исследуемому правовому явлению.

В контексте сказанного, возникает вопрос о самостоятельности института необходимой обороны. Является ли он неотъемлемой составляющей охранительной деятельности государства? Здесь мы обращаемся к третьей концепции понимания права на необходимую оборону, именуемой позитивистской.

По мнению отдельных исследователей, «в позитивно-правовом смысле данное право индивида субсидиарно, так как появляется лишь в том случае, когда нарушается исходное право, - как необходимость защиты данного права. Исходя из позитивистской концепции понимания необходимой обороны, его корни находятся не в инстинктивных свойствах личности и не в публичном интересе, а в правовом поле» [5, с. 33].

О данном аспекте Н.С. Таганцев указывал следующее: «Мое вторжение в право другого – имеет производный характер; я употребляю силу, предупреждая или преступное деяние... или же хотя и не преступное, но и неправомерное деяние» [39, с. 195].

В современной России анализируемое право выступает в качестве одного из базовых элементов правового статуса личности, будучи обозначенным в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

Причинение вреда посягающему полностью укладывается в рамки подобных способов, в связи с чем рассматривается отдельными авторами, как институт «гражданской самозащиты» [19, с. 12]. Такой оборот не вполне корректен, хотя и передаёт определённую смысловую составляющую анализируемого института.

Анализируемое правомочие связано с природой индивида, потому что касается базовых ценностей и отношений в современном обществе.

Как отмечал Н.Н. Паше-Озерский ещё в середине XX столетия, «определение понятия необходимой обороны можно дать только исходя из понятия преступления и руководствуясь общим значением обстоятельств, исключающих преступность деяния» [25, с. 5].

Данный подход представляется актуальным и сейчас. Недостатком существующего уголовно-правового регулирования следует считать отсутствие в нормах УК РФ нормативного определения комплекса обстоятельств, исключающих преступность деяния. Как уже было отмечено, институт необходимой обороны является частью более общего института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Соответственно, законодательное определение обстоятельств, исключающих преступность деяния, может иметь не только теоретическое, но и практическое значение.

Эти обстоятельства связаны с сознательным проявлением воли индивида и обладают внешним объективным (внешним) сходством с преступлением.

Как отмечено Е.И. Гончаровым, «имеется в виду внешнее сходство с составом преступления при отсутствии сходства внутреннего. К числу внешних признаков относятся субъект, объект и объективная сторона, причем с последней может иметь место как полное, так и частичное (при необходимой обороне) совпадение» [8, с. 26].

Под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, следует понимать «общественно полезные и правомерные поступки, которые предусматриваются действующим уголовным законом, внешне сходные с преступлениями, но исключающие уголовную ответственность лица за причиненный им вред».

Следует отметить, что в науке активно критикуется сам оборот, используемый законодателем в наименовании ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона». В частности, А.М. Смирнов отмечает, что термин «оборона» в большей мере применим к военной сфере и подразумевает «совершение

боевых действий, направленных на пресечение действий нападающего противника» [38, с. 79].

Применительно же к анализируемому институту правильнее говорить не об обороне, а о защите, учитывая содержание ч. 2 ст. 45 Конституции РФ.

Таким образом, указанный автор предлагает переименовать ст. 37 УК РФ и именовать данный институт «необходимая защита» [38, с. 80].

Действительно, сказанное имеет смысл, однако, наличие подобного терминологического оборота в нормах современного российского законодательства во многом обусловлено имеющимся историческим опытом. Использование обозначенного оборота сложилось в качестве достаточно устойчивого как в науке, так и в нормативном регулировании и вряд ли есть насущная необходимость его изменить на синонимичный, хотя и более удачный.

Исходя из особенностей и характера необходимой обороны, как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, а также содержания ст. 37 УК РФ, его понятие можно сформулировать следующим образом: необходимая оборона – это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, путем причинения вреда посягающему лицу, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Однако, следует помнить о том, что конкретные действия лица, действующего в состоянии необходимой обороны, должны соответствовать установленным уголовным законом условиям и критериям правомерности. В противном случае, действия лица, внешне сходные с действиями, составляющими необходимую оборону, могут повлечь привлечение к уголовной ответственности. Рассмотрим далее объективные и субъективные признаки необходимой обороны, позволяющие сформировать целостное представление о составляющих данного уголовно-правового института.

Характеризуя институт необходимой обороны, для формирования целостного представления, представляется целесообразным выделить ряд её объективных и субъективных характеристик.

Законодатель совершенно правильно не конкретизирует объект защиты, не сводит его, например, только к защите жизни и здоровья, поскольку подобное ограничение неоправданно сужало бы границы применения института необходимой обороны и в большинстве случаев делало бы его совершенно бессмысленным. Таким образом, осуществление защиты посредством оборонительных действий допускается в целях охраны любых прав и интересов.

Объективные характеристики исследуемого института, в качестве обязательных, должны включать в себя составляющие, характеризующие объективные аспекты оборонительных действий:

- общественно-полезное, социально одобряемое действие субъекта необходимой обороны, направленное на противодействие общественно опасному посягательству;
- последствие в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам, при групповом совершении противоправного посягательства);
- причинная связь между действием субъекта необходимой обороны, направленным на противодействие общественно опасному посягательству и последствиями в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам);
- обстановка, обуславливающая возникновение у субъекта права на необходимую оборону, предполагающая наличие общественно опасного посягательства;
- время, в течение которого допустимо действовать в состоянии необходимой обороны – с момента, с которого посягающее лицо (лица) готово перейти к совершению общественно опасного деяния и до момента окончания такого посягательства.

К числу обязательных признаков субъекта необходимой обороны нельзя относить наличие у такого лица какого-либо служебного положения, профессиональной или иной специальной подготовки, обуславливающих действия, направленные на пресечение преступлений (наличие статуса сотрудника правоохранительных органов, статуса военнослужащего и т.д.). Тем не менее, указанные лица могут выступать субъектами необходимой обороны.

В научных публикациях ставится вопрос о возрасте субъекта необходимой обороны. Есть мнение, что таковым может выступать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет – то есть, возраста, с которого возможна ответственность за деяния, связанные с превышением пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ, ст. 114 УК РФ) [31, с. 426].

Однако, данная точка зрения справедлива лишь для субъекта превышения пределов необходимой обороны, как субъекта состава соответствующего преступления, но не для субъекта необходимой обороны.

Как указывает С.В. Балмочных, «субъектом необходимой обороны может быть каждое лицо, то есть любое физическое лицо, находящееся на территории действия уголовного закона России независимо от гражданства и возраста» [4, с. 200].

С точки зрения внутреннего отношения субъекта необходимой обороны к осуществляемым оборонительным действиям, институт необходимой обороны характеризуется невиновностью и желанием активного противодействия противоправным действиям посягающего.

Что касается мотивов и цели действий лица, осуществляющего необходимую оборону, законодатель их не конкретизирует, а значит, они не влияют на определение действий обороняющихся, как соответствующих или не соответствующих содержанию данного уголовно-правового института.

2.2 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к общественно опасному посягательству

Анализируемый институт конструктивно включает в себя два ключевых элемента: общественно опасное посягательство и оборону от данного посягательства. Соответственно, в данном контексте, видится целесообразным разделение условий правомерности необходимой обороны на две категории:

- условия, относящиеся к общественно-опасному посягательству;
- условия, относящиеся к защите обороняющегося от обозначенного посягательства.

Первая группа условий предполагает такие как: общественная опасность, наличность и реальность (действительность) посягательства.

Общественная опасность противоправного посягательства означает, что данное деяние создаёт действительную угрозу причинения существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны. В контексте данного условия, заметим, что малозначительное деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) не способно обусловить применение института необходимой обороны.

Следует сказать о том, что посягательство, обладающее общественной опасностью и дающее право на оборону, не обязательно образует состав преступления.

В этой связи в науке существует мнение о том, что «в отношении противоправных посягательств несовершеннолетних и невменяемых лиц, право на необходимую оборону должно быть ограничено, путём минимизации вреда, а также использовании иных мер, не связанных с его причинением посягающему» [3, с. 14].

И.С. Тишкевич в своё время писал о том, что «если при нападении указанных лиц есть возможность спастись бегством или обратиться за помощью к представителям власти или другим лицам, нужно использовать такую возможность и не причинять вред нападающему» [40, с. 24].

Однако, в подобных ситуациях нет основания для ограничения права на необходимую оборону, поскольку деяние, независимо от того, кем оно реализуется в объективной реальности (в том числе, недееспособным), обладает способностью причинить ущерб охраняемым уголовным законом интересам.

На это указано и в упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19: «Необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности, в том числе в случае защиты от посягательства лица в состоянии невменяемости или лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность» (п. 5).

Аналогичная позиция имела место и в тексте утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» [29].

Представляется, что законодатель напрасно указывает в содержании ст. 37 УК РФ на такую форму осуществления противоправного посягательства, как нападение, поскольку никак нельзя ставить знак равенства между противоправным посягательством и совершением нападения. А осуществить действия, связанные с необходимой обороной допустимо не только при наличии нападения, но и при иных формах противоправного посягательства.

Более того, как отмечается некоторыми учёными, «посягательством также являются и общественно опасные ненасильственные действия, грозящие немедленным причинением вреда личности, обществу, государству» [18, с. 148].

Не выдерживают критики утверждения некоторых авторов о том, что «невозможно применение необходимой обороны в случае совершения деяний по неосторожности, так как подобное противоправное деяние может быть прервано словом, окриком и т.д.» [51, с. 210]

При подобном подходе положение обороняющегося было бы существенным образом осложнено, так как лицу, прежде, чем начать отражать нападение, предстояло бы разобраться в форме вины посягающего, что выглядит абсурдно.

Условие наличия посягательства связана с правильным определением пределов осуществления посягательства во времени, поскольку только в данном диапазоне времени возможно осуществление действий, входящих в объём необходимой обороны.

Как уже было отмечено, позиция Пленума Верховного Суда РФ допускает оборонительные действия с момента, с которого посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. То есть, речь идёт о возможности осуществления «превентивной» или «упреждающей» обороны.

В теории уголовного права справедливо отмечалось, что «перенесение начала общественно опасного посягательства на более раннюю стадию, чем реальное его осуществление, безусловно, оправданно, поскольку оно в определенной степени лишает посягающего преимущественного положения и делает защиту более эффективной в связи с тем, что ее силы еще не растрочены» [44, с. 179].

Следует согласиться с высказанным в публикациях мнением о том, что «ожидать начала посягательства, первого удара – это значит оказаться безоружным перед преступником, пострадать от него и не быть в состоянии защитить охраняемые интересы» [43, с. 162].

При этом вопрос о возможности причинения вреда при пресечении приготовления к общественно опасному посягательству решается не столь однозначно: «Против приготовительных действий (бездействия) к совершению преступления необходимая оборона, как правило, невозможна,

поскольку в этом случае общественно опасное посягательство еще не началось. На этом этапе можно только готовиться к необходимой обороне (например, сообщить органам власти о подготавливаемом преступлении, забаррикадировать вход в помещение, подготовиться к отражению нападения). В то же время, если сами по себе подготовительные действия имеют очевидный характер, непосредственно направлены на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (проникновение в жилище в целях убийства, причинения вреда здоровью, вымогательства и т.п.), то они порождают и право на необходимую оборону» [34, с. 284].

Следует согласиться с мнением, высказанным Т.Г. Шавгулидзе: «...оборона является особо эффективной, когда защищающийся осуществляет оборонительные действия именно до повреждения объекта защиты» [50, с. 69].

При единстве мнений ученых-правоведов о допустимости причинения вреда посягающему лицу уже при возникновении угрозы осуществления посягательства сравнительно малое внимание уделялось вопросу о том, какие внешние признаки позволяют обороняющемуся сделать вывод о том, что посягательство вот-вот начнется и промедление с оборонительными действиями может сделать их малоэффективными.

По мнению Н.Н. Паше-Озерского, «субъективное представление лица, осуществляющего необходимую оборону, о том, что общественно опасное посягательство уже началось либо непосредственно предстоит, должно быть основано на всей фактической обстановке, на фактических действиях посягателя, создающих реальную угрозу для общественного или индивидуального интереса, охраняемого уголовным законом» [25, с. 49].

«Уже на стадии приготовления, а иногда и при обнаружении умысла посягательство может быть наличным, однако только при том условии, если субъект своим поведением подтвердил наличие непосредственной, неминуемой опасности начала осуществления посягательства» [37, с. 54] – сходного мнения придерживался И.И. Слуцкий.

Тем не менее, в указанных работах советского периода не конкретизируются признаки, которые позволяли бы нам сделать однозначный вывод о наличии реальной угрозы осуществления посягательства.

Попытка решения данной проблемы была предпринята в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19: «Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы» (п. 2).

У оборонявшегося или других лиц должно возникнуть ощущение реальности угрозы, что выступает побуждающим фактором для предпринимаемых оборонительных действий.

Следует заметить, что подобный подход применим для отражения посягательства, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, но как быть относительно иных посягательств – которые не сопряжены с применением насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, ведь такие противоправные посягательства также выступают основанием для реализации гражданами права на необходимую оборону.

Представляется, что рассматриваемое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 должно содержать более подробное разъяснение по поводу того, какие признаки в поведении посягающего или окружающей обстановке могут свидетельствовать о возникшей угрозе немедленного осуществления общественно опасного посягательства.

На основе анализа научных публикаций, посвящённых проблематике исследования, а также исходя из контекста анализируемой правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, представляется возможным дополнить п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 абзацем следующего содержания: «О наличии реальной угрозы посягательства могут свидетельствовать высказывания посягающего о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу вред его жизни, здоровью, физической неприкосновенности, собственности, иным правам и свободам; демонстрация нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств; агрессивное поведение посягающего при отсутствии высказывания конкретных угроз; попытка посягающего лица схватить либо удерживать обороняющегося за одежду, руки, туловище, преследовать обороняющегося или других лиц, резко сократить расстояние между ним и обороняющимся или другим лицом; оскорбительное приставание посягающего к обороняющемуся или другим лицам, в том числе сопровождаемое нецензурной бранью; иные действия посягающего, свидетельствующие о наличии непосредственной опасности начала осуществления посягательства».

Противоправное посягательство может иметь место не только в виде единичного акта – отдельные преступные посягательства могут происходить в виде нескольких эпизодов, обладающих самостоятельной общественной опасностью. При такой ситуации, каждый подобный противоправный акт будет являться основанием для возникновения права на необходимую оборону.

Наука и правоприменительная практика признает, что «правомерным является применение мер необходимой обороны и тогда, когда защита последовала сразу после окончания противоправного посягательства, с оговоркой о том, что в конкретной ситуации для обороняющегося момент завершения посягательства не был очевиден» [13, с. 321].

По мнению Президиума Забайкальского краевого суда, в вопросе определения в конкретном деле у лица права на необходимую оборону, «для осужденного не был ясен момент окончания общественно опасного посягательства, совершенного группой лиц, и он не утратил право на оборону. Эмоциональное состояние осужденного после общественно опасного посягательства, совершенного в ночное время, повлекшего причинение легкого вреда его здоровью, не позволяли ему объективно оценить обстановку. Он имел основания расценить появление потерпевшего на месте происшествия как продолжение этого посягательства» [30].

Реальность, или действительность противоправного посягательства предполагает, что таковое происходит в действительности и не является плодом воображения или результатом субъективных интерпретаций обороняющегося.

2.3 Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите от общественно опасного посягательства

Относительно критериев необходимой обороны, которые характеризуют действия обороняющегося по причинению вреда, в науке и практике выделяют следующие:

- защите подлежат только интересы, находящиеся под уголовно-правовой охраной;
- защита реализуется посредством причинения вреда посягающему;
- недопустимо превышения пределов необходимой обороны.

По первому критерию представляется очевидным, что не является допустимым осуществление оборонительных действий при противодействии законному задержанию (применительно к себе, или иному лицу) и т.д.

Важно отметить, что при осуществлении оборонительных действий вред может быть причинён лишь посягающему лицу, или лицам (при

совершении группового деяния). Вред, не влекущий ответственность третьим лицам может иметь место только при наличии иного обстоятельства, исключающего преступность деяния – крайней необходимости.

Что касается видов вреда, который может быть причинён посягающему при необходимой обороне, то он может быть, как физическим, так и имущественным. Первая разновидность вреда при данном обстоятельстве, исключающем преступность деяния, является самой распространённой, как указывается специалистами [5, с. 58], ввиду специфики анализируемого института. Имущественный вред может причиняться наряду с физическим вредом, или в качестве самостоятельного вида вреда (при отсутствии вреда физического). Например, может быть причинён вред здоровью посягающего при отражении нападения, а также ущерб его одежде (имущественный вред).

В рамках ст. 37 УК РФ посягательства, которые обуславливают оборону делятся на два вида:

- сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой его применения;
- не сопряженное с таким насилием или такой угрозой.

Относительно первой разновидности посягательств превышение пределов необходимой обороны законом не предусматривается, поскольку речь идёт об угрозе причинения тяжких последствий наиболее важным охраняемым уголовным законом благам. Превышение пределов необходимой обороны может иметь место лишь в случае противоправного посягательства, которое не связано с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица.

При всём этом, как отмечается в науке, «не требуется полного равенства между опасностью посягательства и причиненным посягающему вредом. Этот вред может быть и более значительным, чем характер и степень общественной опасности посягательства. Поэтому причинение смерти при отражении посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни человека, но грозящим причинением серьезного вреда здоровью, при угрозе

насилием, которая носит неопределенный характер, далеко не всегда будет являться превышением пределов необходимой обороны. Например, если при покушении на изнасилование, угрозе причинения тяжкого вреда здоровью или проникновении в жилище, в котором находятся люди, причинена смерть посягающему, нельзя однозначно сделать вывод о превышении пределов необходимой обороны. Если нет явного несоответствия обороны характеру и степени общественной опасности посягательства, то действия обороняющегося надо признать правомерными» [9, с. 7].

Фактические обстоятельства следует соизмерять с возможностями для осуществления защиты, которые зависят от пола, возраста, состояния здоровья и физического развития обороняющегося, наличия орудий и средств защиты, психического состояния обороняющегося и т.д.

Поэтому вполне логичным представляется внесённое в ст. 37 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. [48] дополнение, в соответствии с которым «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ).

Это нормативное положение распространяется не на любые противоправные посягательства, а лишь на нападения, что вполне закономерно, в связи с созданием специфической психотравмирующей ситуацией, которая связана с производимыми в рамках нападения агрессивными действиями.

2.4 Мнимая оборона и превышение пределов необходимой обороны: понятие, правовые последствия и значение

Как уже было ранее отмечено, реальность, или действительность противоправного посягательства, как критерии правомерности необходимой обороны, относящиеся к противоправному посягательству, предполагает, что

такое происходит в действительности и не является плодом воображения или результатом субъективных интерпретаций обороняющегося.

Такой критерий позволяет отличать действительное основание для необходимой обороны и мнимое основание. В науке даже выделяется отдельная категория – «мнимая оборона», при которой имеет место фактическая ошибка обороняющегося относительно противоправного посягательства. Такого рода заблуждение может касаться ошибочной оценки действий индивида. Есть также вероятность и фактической ошибки, которая связанная с личностью посягающего.

Таким образом, под мнимой обороной понимается: «особая уголовно-правовая ситуация, содержание которой включает ошибку субъекта относительно наличия общественно опасного посягательства со стороны другого лица, под влиянием которой субъект причиняет вред, ошибочно полагая, что пребывает в состоянии необходимой обороны» [32, с. 261].

Как отмечается некоторыми авторами, «вопрос об уголовной ответственности при мнимой обороне решается по правилам извинительной и неизвинительной ошибки. Если обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство и обороняющееся лицо не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения, то уголовная ответственность исключается. В данном случае имеет место извинительная ошибка. При неизвинительной ошибке лицо не осознает мнимости общественно опасного посягательства, но по обстоятельствам дела должно было и могло это осознавать. В данном случае ответственность наступает как за неосторожное преступление. Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала оснований полагать, что происходит посягательство, то лицо несет уголовную ответственность на общих основаниях» [33, с. 25].

При таком понимании, при наличии извинительной ошибки обороняющегося, возможно наступление ответственности за превышение

пределов необходимой обороны. Это обусловлено тем, что мнимая оборона приравнивается к реальной. Соответственно. Если обороняющимся допущено превышение пределов необходимой обороны, ответственность наступает на равных условиях, что и при наличии реального основания для осуществления оборонительных действий.

Действительно, состояние мнимой обороны должно полностью исключать привлечение обороняющегося к уголовной ответственности в тех ситуациях, в которых вся обстановка давала достаточные основания полагать, что имеет место реальное противоправное посягательство. На подобные фактические случаи должны распространяться положения ч. 1 ст. 24 УК РФ.

Высшая судебная инстанция придерживается аналогичной точки зрения, выражая её в тексте Постановления Пленума № 19: «В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны» (п. 16).

Не только в нашей стране, но и во многих зарубежных государствах, законодатель предусматривает возможность наступления уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

При этом, санкция за подобное деяние имеет смягчённый характер. Это справедливо и применительно к решению отечественного законодателя, регламентирующего пределы необходимой обороны.

Превышение пределов необходимой обороны «несёт объективную опасность для общества и государства, а значит обуславливает привлечение лица к ответственности» [44, с. 141] – отмечается в учебной литературе.

Как уже было отмечено, нормативным критерием отсутствия превышения пределов необходимой обороны выступает соответствие оборонительных действий характеру и опасности посягательства.

Характер посягательства представляет собой качественную характеристику, зависимую от общественной ценности объекта, на который посягательство направлено.

Некоторые авторы предлагают законодателю отказаться от данной характеристики, убрав её из текста ст. 37 УК РФ: «представляется возможным исключить термин характер из дефиниции превышения пределов необходимой обороны, что позволит акцентировать внимание правоприменителей на установлении соответствия обороны главному, единственному, многоаспектному свойству посягательства – его общественной опасности» [9, с. 8].

Однако, с данным предложением вряд ли можно согласиться.

«Явной следует считать такую глубину несоответствия между интенсивностью защиты и посягательства, а также между защищаемым и нарушаемым благом, которая была очевидна для обороняющегося и по обстоятельствам дела не могла вызывать у него сомнения. Явность несоответствия защиты посягательству свидетельствует о чрезмерном разрыве между ними, поэтому от обороняющегося нельзя требовать, чтобы причиненный им вред был меньшим или равным вреду, угрожавшему при посягательстве» [7, с. 20] – пишут специалисты.

Действительно, «действия лица, находящегося в состоянии необходимой обороны недопустимо рассматривать как совершаемые с превышением её пределов и тогда, когда причиненный в результате обороны вред будет большим, чем вред, который предотвращён и тот, который был достаточен для предотвращения нападения, если при этом не было допущено явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства» [5, с. 63].

Из подобного подхода исходит и правоприменительная практика.

Положение действующего уголовного закона, которое регламентирует вопрос, связанный с превышением пределов необходимой обороны, имеет

довольно абстрактное выражение. Что обуславливает на практике значительные трудности в её применении.

А.В. Неврев справедливо указывает: «Понятие пределов необходимой обороны в законе изложено в оценочной форме, что дает широкий простор для усмотрения правоприменителя» [21, с. 85].

Получается, значительная часть анализируемой проблемы сосредоточена в сфере правоприменения, а не нормативного регулирования. В этой связи, для правильного определения пределов необходимой обороны и предупреждения случаев неоправданного привлечения обороняющихся лиц к ответственности, с одной стороны, необходимы критерии определения превышения пределов необходимой обороны, а с другой стороны – необходим соответствующий уровень правосознания у сотрудников правоохранительной системы и судей, рассматривающих и разрешающих уголовные дела по существу.

Относительно вопросов, связанных с законодательными пределами необходимой обороны, существует множество достаточно острых дискуссий, и предложения авторами высказываются самые разные.

В первую очередь вызывает вопрос фактическая возможность правильно оценить характер опасности, которую представляет противоправное посягательство.

«Каким образом граждане должны определить, что посягательство в результате нападения не будет сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица. Кстати, а как поступать, если то угроза имуществу граждан или имуществу третьих лиц, а равно и угроза не жизни, а здоровью? По какой шкале и кто может провести ту оценку?» [41, с. 18] – задаётся резонным вопросом А.В. Тонконогов.

Продолжая свою мысль, указанный специалист полагает, что «ограничение права граждан России защищать свое здоровье, честь, достоинство, свою жизнь и фактический отказ в праве защищать здоровье, честь, достоинство, а также жизнь других добропорядочных граждан (не

только родственников) всеми возможными доступными способами, по сути, антиконституционно. Запрещая гражданам обороняться без всяких правовых запретов и оговорок, в том числе в своих жилищах, россиянам отказывают в праве быть достойными, законопослушными гражданами» [41, с. 18].

Отдельные авторы на протяжении долгих лет прямо предлагают убрать из текста УК РФ нормы, ограничивающие право граждан на необходимую оборону [15, с. 17].

Однако, отказ от ответственности за превышение пределов необходимой обороны невозможен ввиду того, что подобное может иметь, так называемый, «обратный эффект». Под «прикрытием» института необходимой обороны может на псевдо-законных основаниях осуществляться самосуд над лицами, преступившими уголовно-правовой запрет, поскольку формально любые средства отражения противоправного посягательства в виде, например, мелкого хищения овощей на дачном участке, будут признаваться допустимыми, несмотря на абсурдность. А значит, пределы необходимой обороны должны присутствовать в нормах уголовного закона.

Тем не менее, уточнение допустимых пределов необходимой обороны в ст. 37 УК РФ целесообразно и желательно.

Зачастую, наиболее резонансные ситуации, обуславливающие необходимость защищать свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье членов своей семьи, возникает именно в ходе противоправного вторжения посторонних лиц в жилище.

В сентябре 2021 г. Тверским областным судом был вынесен оправдательный приговор в отношении А. Зобенкова, обвинявшегося в убийстве трёх человек, незаконно проникнувших на территорию дома, в котором он проживал вместе со своей семьёй. Суд дал верную оценку действиям подсудимого, придя к выводу о том, что в его деянии отсутствует состав преступления.

Как представляется, ситуация, связанная с вторжением в жилище, по своему содержанию, априори, содержит намерение посягающего лица перейти к совершению соответствующего деяния, что соотносится с позицией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в п. 3 Постановления № 19 от 27.09.2012 г. и говорит о наличии ситуации в которой у лица есть право на необходимую оборону.

Таким образом, предлагаемое выше дополнение позволит гражданам правомерным образом осуществлять защиту своего жилища и может стать способом дополнительной профилактики деяний, совершаемых с проникновением в жилище.

Подобное дополнение позволит гражданам правомерным образом осуществлять защиту своего жилища и может стать способом дополнительной профилактики деяний, совершаемых с проникновением в жилище.

Для этого следует внести изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ и изложить её в следующей редакции: «1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также в целях предотвращения противоправного проникновения в жилище или иное помещение, используемое обороняющимся на законных основаниях».

В случае констатации правоприменителем нарушений пределов необходимой обороны в действиях обороняющегося, решается вопрос о привлечении его к уголовной ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, что предусматривается в ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ.

На практике не редко возникают сложности в разграничении деяний, совершённых в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего. В частности, не всегда просто ответить на вопрос: имеет место убийство, совершённое в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), или убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ).

Как указывается в публикациях, «при разграничении данных составов преступлений основной акцент обычно делается на мотивации лица, совершившего такое преступление. При превышении пределов необходимой обороны мотивом считается защита правоохраняемых интересов, а при совершении преступления в состоянии аффекта в качестве мотива выделяют месть» [49, с. 12].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 в качестве разграничительных критериев указывает: «для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, обязательным признаком преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно указанного волнения, тогда как для преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен» (п. 15).

Тем не менее, обозначенные критерии не идеальны и их применение не позволяет правоприменителю чётко разграничить составы таких деяний. Характер насилия, которое применил потерпевший также сложно считать однозначным.

По сути, каждый из этих критериев имеет смысл, но все обозначенные критерии не являются исчерпывающими, в связи с чем более правильным видится правильное использование совокупности данных критериев.

Также представляется приемлемым высказываемое в науке предложение «учитывать при разграничении такой критерий, как обстановка совершения преступления» [10, с. 15].

Наибольшие сложности возникают при проведении четкой границы между действиями, когда в общественно опасном поведении содержатся признаки и необходимой обороны, и состояния аффекта.

Приведём пример из судебной практики: «Ш. увидела, что ее муж в трусах лег на диван к дочери, стал прижиматься к ней, хватал ее руками; дочь пыталась сопротивляться. Ш. схватила рюкзак, в котором была гантель, и нанесла удары по голове мужу, от чего наступила смерть последнего. Органы предварительного расследования квалифицировали действия Ш. по ст. 105, суд переквалифицировал ее действия по ч. 1 ст. 107 УК РФ» [2].

Представляется, что в подобной ситуации должен быть поднят вопрос, как минимум, о превышении пределов необходимой обороны. Безусловно, виновная испытывала сильное душевное волнение от увиденного, но, при всём этом, она действовала в состоянии необходимой обороны.

В другой практической ситуации: «К., после совместного распития спиртного, сделал П. предложение совершить с ним половой акт. Получив отказ, К. затащил ее в спальню, где, угрожая ножом, заставил совершить действия сексуального характера. В момент их осуществления П. схватила лежащий на столе нож и нанесла им несколько ударов потерпевшему. П. была осуждена за простое убийство. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ действия П. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 107 УК РФ» [22].

В рассматриваемых правовых ситуациях суды не обратили внимание на то, что при описанных обстоятельствах может идти речь и об убийстве при превышении пределов необходимой обороны. П. необходимо вменить ч. 1 ст. 108 УК РФ, так как при конкуренции специальных норм, содержащих привилегированные составы, применяется норма, содержащая более привилегирующие обстоятельства.

Таким образом, с точки же зрения правоприменения, должностным лица, обладающим властными полномочиями, следует более взвешенно подходить к оценке оборонительных действий и привлекать обороняющихся к ответственности лишь в случаях явного (и никакого иного) несоответствия оборонительных действий характеру, обстановке и иным особенностям противоправного посягательства, имеющего место в объективной реальности.

Подводя итог анализа ключевых аспектов необходимой обороны, необходимо обозначить следующее.

Законодатель, к сожалению, не даёт нам нормативного определения, ограничиваясь лишь констатацией того, что именно отнесено к данному институту и каковы условия правомерности необходимой обороны.

Относительно предложений, связанных с заменой устоявшегося оборота «необходимая оборона» на оборот «необходимая защита», следует отметить, что наличие подобного терминологического оборота в нормах современного российского законодательства во многом обусловлено имеющимся историческим опытом. Использование обозначенного оборота сложилось в качестве достаточно устойчивого как в науке, так и в нормативном регулировании и вряд ли есть насущная необходимость его изменить на синонимичный, хотя и более удачный.

Исходя из особенностей и характера необходимой обороны, как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, а также содержания ст. 37 УК РФ, его понятие можно сформулировать следующим образом: необходимая оборона – это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, путем причинения вреда посягающему лицу, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Анализ объективных и субъективных составляющих института необходимой обороны позволяет сделать выводы о том, что законодатель

совершенно правильно не конкретизирует объект защиты, не сводит его, например, только к защите жизни и здоровья, поскольку подобное ограничение неоправданно сужало бы границы применения института необходимой обороны и в большинстве случаев делало бы его совершенно бессмысленным. Таким образом, осуществление защиты посредством оборонительных действий допускается в целях охраны любых прав и интересов.

Объективные характеристики исследуемого института, в качестве обязательных, должны включать в себя составляющие, характеризующие объективные аспекты оборонительных действий:

- общественно-полезное, социально одобряемое действие субъекта необходимой обороны, направленное на противодействие общественно опасному посягательству;
- последствие в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам, при групповом совершении противоправного посягательства);
- причинная связь между действием субъекта необходимой обороны, направленным на противодействие общественно опасному посягательству и последствиями в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам);
- обстановка, обуславливающая возникновение у субъекта права на необходимую оборону, предполагающая наличие общественно опасного посягательства;
- время, в течение которого допустимо действовать в состоянии необходимой обороны – с момента, с которого посягающее лицо (лица) готово перейти к совершению общественно опасного деяния и до момента окончания такого посягательства.

К числу обязательных признаков субъекта необходимой обороны нельзя относить наличие у такого лица какого-либо служебного положения, профессиональной или иной специальной подготовки, обуславливающих действия, направленные на пресечение преступлений (наличие статуса

сотрудника правоохранительных органов, статуса военнослужащего и т.д.). Тем не менее, указанные лица могут выступать субъектами необходимой обороны.

В научных публикациях ставится вопрос о возрасте субъекта необходимой обороны. Однако, данная точка зрения справедлива лишь для субъекта превышения пределов необходимой обороны, как субъекта состава соответствующего преступления, но не для субъекта необходимой обороны.

Дело в том, что в действиях субъекта необходимой обороны отсутствует виновность действий, что, в том числе, обуславливает непреступный характер причинения вреда в условиях необходимой обороны – в действиях обороняющегося отсутствует состава преступления.

Таким образом, субъект необходимой обороны (обороняющийся) – это физическое лицо, способное осознавать общественную опасность действий посягающего лица, а также способное руководить своими действиями, направленными на защиту своей личности и своих прав, а также иных лиц.

С точки зрения внутреннего отношения субъекта необходимой обороны к оборонительным действиям, исследуемый институт характеризуется невиновностью и желанием активного противодействия противоправным действиям посягающего.

Что касается мотивов и цели действий лица, осуществляющего необходимую оборону, законодатель их не конкретизирует, а значит, они не влияют на определение действий обороняющихся, как соответствующих или не соответствующих содержанию института необходимой обороны.

Субъект необходимой обороны может действовать, следуя самым разным целям и руководствуясь самыми разными мотивами – в том числе и теми, которые вряд ли можно счесть социально одобряемыми и основанными на высоко нравственных основах.

Формулируя условия правомерности оборонительных действий, законодатель, как представляется, напрасно указывает в содержании ст. 37 УК РФ на такую форму осуществления противоправного посягательства, как

нападение, поскольку никак нельзя ставить знак равенства между противоправным посягательством и совершением нападения. А осуществить действия, связанные с необходимой обороной допустимо не только при наличии нападения, но и при иных формах противоправного посягательства.

Существующие в науке мнения относительно ограничения права на необходимую оборону применительно к противоправным посягательствам несовершеннолетних беспочвенны – в подобных ситуациях нет основания для ограничения права на необходимую оборону, поскольку деяние, независимо от того, кем оно реализуется в объективной реальности (в том числе, недееспособным или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности), обладает общественной опасностью и способно причинить ущерб.

Условие наличия посягательства связана с правильным определением пределов осуществления посягательства во времени. В этой связи, необходимо отметить отсутствие чётких критериев определения момента, с которого возникает непосредственная угроза применения насилия со стороны посягающего лица. Представляется, что в рамках цитируемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 должны быть более подробно определены критерии, которые свидетельствуют о немедленном переходе виновного к осуществлению объективной стороны посягательства.

Относительно предложений об устранении из текста УК РФ пределов необходимой обороны, следует заметить их неприемлемость. Отказ от ответственности за превышение пределов необходимой обороны невозможен ввиду того, что подобное может иметь, так называемый, «обратный эффект». Под «прикрытием» института необходимой обороны может на псевдо-законных основаниях осуществляться самосуд над лицами, преступившими уголовно-правовой запрет, поскольку формально любые средства отражения противоправного посягательства в виде, например, мелкого хищения овощей на дачном участке, будут признаваться допустимыми, несмотря на

абсурдность. А значит, пределы необходимой обороны должны присутствовать в нормах уголовного закона.

Тем не менее, уточнение допустимых пределов необходимой обороны в ст. 37 УК РФ целесообразно и желательно. В частности, представляется целесообразным включить в текст ст. 37 УК РФ положений, допускающих причинение вреда посягающему лицу при противоправном проникновении в жилище, поскольку наиболее резонансные ситуации, обуславливающие необходимость защищать свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье членов своей семьи, возникает именно в ходе противоправного вторжения посторонних лиц в жилище.

Подобное дополнение позволит гражданам правомерным образом осуществлять защиту своего жилища и может стать способом дополнительной профилактики деяний, совершаемых с проникновением в жилище.

Для этого следует внести изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ и изложить её в следующей редакции: «1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также в целях предотвращения противоправного проникновения в жилище или иное помещение, используемое обороняющимся на законных основаниях».

Глава 3 Соотношение необходимой обороны с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния

3.1 Соотношение необходимой обороны и обоснованного риска

Предусмотренные главой 8 УК РФ обстоятельства, исключающие преступность деяния, обладают самостоятельным содержанием и уголовно-правовым значением. Тем не менее, каждое из этих обстоятельств, будучи частью системы, обладают определённым сходством с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, что обуславливает необходимость их разграничения.

В первую очередь проведём разграничение между обоснованным риском и необходимой обороной. При наличии обоснованного риска действия лица активизируются в условиях ситуации риска, а при необходимой обороне действия лица активизируются объективным фактом противоправного общественно опасного посягательства в отношении обороняющегося, или иных лиц.

Обоснованный риск и необходимую оборону также можно разграничить по цели. В качестве таковой при обоснованном риске выступает стремление лица к реализации «общественно полезной цели», как это сформулировано в ст. 41 УК РФ.

У института необходимой обороны иная цель, которая состоит в отражении противоправного посягательства со стороны другого лица. То есть, при таком состоянии действия лица, как верно отмечают В.С. Ишигеев и В.Л. Лапша, «должны быть не только ответного, но и защитного характера, в отличие от действий при обоснованном риске» [12, с. 82].

Анализируемые обстоятельства, исключающие преступность деяния, предполагают и разный субъектный состав. Обоснованный риск, как правило, но не всегда, предполагает в качестве лица, действующего в условиях риска ради достижения общественно полезной цели,

профессионала в определённой области и обладающего соответствующим опытом (например, врач, который стремится спасти жизнь пациента). При необходимой обороне не имеет никакого предопределяющего значения профессиональная компетенция, знания и опыт обороняющегося.

Также разграничение возможно по критерию, связанному с вредом охраняемым уголовным законом интересам. При обоснованном риске возможность причинения вреда изначально предполагается, и условия правомерности диктуют необходимость принять меры к устранению, или минимизации такого вреда. При необходимой обороне законодатель не возлагает на обороняющегося обязанность принимать подобные меры, ввиду специфики ситуации противоправного посягательства, стремительно развивающегося во времени, и диктующей необходимостью адекватного и соразмерного его отражения.

При разграничении по субъектам, которым возможно причинение вреда в условиях анализируемых обстоятельств, можно указать на то, что при необходимой обороне – это лицо, совершающее противоправное посягательство. Именно ему возможно причинение вреда в процессе отражения нападения. При обоснованном риске круг таких субъектов максимально широк и формально не определён.

3.2 Отличие необходимой обороны от других обстоятельств, исключающих преступность деяния

До вступления в силу УК РФ в 1996 г. причинении вреда, которое происходило при задержании преступника, оценивалось как вред, причиненный в состоянии необходимой обороны. Действительно, эти два обстоятельства во многом схожи – и в случае необходимой обороны и в случае задержания преступника:

- основанием для причинения вреда является противоправное действие посягающего лица;

- поведение обороняющегося лица в обоих случаях направлено на защиту благ, прав и защищаемых законом интересов;
- признаки поведения обороняющегося лица совпадают с признаками преступления;
- действия обороняющегося являются социально-полезными, т.е. направлены на достижение общественно полезного результата.

Однако на сегодняшний день закон разграничивает эти две категории, обозначив причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление в рамках отдельной ст. 38 УК РФ, в связи с чем возникает необходимость определения соответствующих критериев их разграничения:

- право на необходимую оборону возникает в процессе совершения общественно-опасного посягательства, в то время как права на задержание возникает в случае, если лицо совершает преступление;
- цель совершения действий, считающихся необходимой обороной, состоит в защите от посягательства, в то время как цель задержания состоит в доставлении преступного лица в органы власти, пресечение совершения им новых преступлений;
- лицо, находящееся в состоянии необходимой обороны, как правило, случайно оказывается в этой ситуации, само того не желая, в то время как при задержании преступника инициатива всегда исходит от лица, обладающего этим правом;
- применение необходимой обороны допустимо и при возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам, в то время как при задержании причинении вреда правомерно только в том случае, если избежать его действительно было невозможно.

Полагаем, что именно перечисленные нами основания разграничения необходимой обороны от задержания лица, совершившего преступление, обуславливают выделение института задержания лица в отдельную статью УК РФ, которая представляет собой, по сути, отдельный правовой институт.

Как указано законодателем в диспозиции ст. 39 УК РФ, «ее является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Данное обстоятельство, исключая преступность деяния, имеет больше сходств с институтом обоснованного риска.

Разграничительным критерием здесь может выступить момент принятия решения и его воплощения в деянии. При обоснованном риске между выбором действовать в условиях риска и самим действием всегда есть промежуток времени, который необходим для предусмотренного законом принятия мер, направленных на предотвращение или минимизацию возможного вреда данными действиями. При крайней необходимости такого временного промежутка нет.

Что же касается непосредственного разграничения с институтом необходимой обороны, то, как верно отмечают В.С. Ишигеев и В.Л. Лапша, «источником ситуаций риска, как правило, выступают факторы объективной реальности, например, природные пожары. Детерминирующим фактором, порождающим ситуацию крайней необходимости, является наличие объективной угрозы для общественных благ» [12, с. 83].

При необходимой обороне, детерминирует оборонительные действия субъекта совершаемое общественно-опасное посягательство, т.е. причина исходит от действий человека, имеющих форму посягательства на объект уголовно-правовой охраны.

В соответствии со ст. 40 УК РФ: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)».

Говоря о физическом либо психическом принуждении, как об обстоятельстве, исключающем преступность деяния, необходимо учитывать, в первую очередь, волевой фактор. В такой ситуации ответственность, и, как следствие, наказание для причинившего вред лица, исключаются, ввиду того, что лицо действовало не по своей воле. Если же возможность выбора непротивоправного варианта поведения у принуждаемого сохранялась, имеет место ситуация, схожая с крайней необходимостью: для предотвращения вреда своим охраняемым законом интересам принуждаемый причиняет вред интересам третьего лица.

В соответствии со ст. 42 УК РФ: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение».

Таким образом, правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния, достаточно четко определена и разграничена законодателем. Между необходимой обороной и иными видами обстоятельств, исключающих преступность деяния, существуют определенные отличия, которые позволяют разграничивать эти институты. Однако, стоит отметить, что все эти обстоятельства объединяет их общественно-полезная направленность.

Заключение

В заключении работы определим ряд основных выводов, а также обозначим те предложения, реализация которых может помочь усовершенствовать исследуемый уголовно-правовой институт.

Итак, институт необходимой обороны (или его прообраз, сложившийся в конкретных историко-правовых реалиях) знаком отечественному уголовному праву с давних времён. Фактически, объективная необходимость осуществлять как самозащиту, так и защиту родных и близких, а также защиту имущества, появилась с момента формирования цивилизованного общества.

Стоит заметить, что законодатель не даёт нам нормативного определения, ограничиваясь лишь констатацией того, что именно отнесено к данному институту и каковы условия правомерности необходимой обороны.

Относительно предложений, связанных с заменой устоявшегося оборота «необходимая оборона» на оборот «необходимая защита», следует отметить, что наличие подобного терминологического оборота в нормах современного российского законодательства во многом обусловлено имеющимся историческим опытом. Использование обозначенного оборота сложилось в качестве достаточно устойчивого как в науке, так и в нормативном регулировании и вряд ли есть насущная необходимость его изменить на синонимичный, хотя и более удачный.

Исходя из особенностей и характера необходимой обороны, как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, а также содержания ст. 37 УК РФ, его понятие можно сформулировать следующим образом: необходимая оборона – это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, путем причинения вреда посягающему лицу, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Анализ объективных и субъективных составляющих института необходимой обороны позволяет сделать выводы о том, что законодатель совершенно правильно не конкретизирует объект защиты, не сводит его, например, только к защите жизни и здоровья, поскольку подобное ограничение неоправданно сужало бы границы применения института необходимой обороны и в большинстве случаев делало бы его совершенно бессмысленным. Таким образом, осуществление защиты посредством оборонительных действий допускается в целях охраны любых прав и интересов.

Объективные характеристики исследуемого института, в качестве обязательных, должны включать в себя составляющие, характеризующие объективные аспекты оборонительных действий:

- общественно-полезное, социально одобряемое действие субъекта необходимой обороны, направленное на противодействие общественно опасному посягательству;
- последствие в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам, при групповом совершении противоправного посягательства);
- причинная связь между действием субъекта необходимой обороны, направленным на противодействие общественно опасному посягательству и последствиями в виде причинённого вреда посягающему лицу (лицам);
- обстановка, обуславливающая возникновение у субъекта права на необходимую оборону, предполагающая наличие общественно опасного посягательства;
- время, в течение которого допустимо действовать в состоянии необходимой обороны – с момента, с которого посягающее лицо (лица) готово перейти к совершению общественно опасного деяния и до момента окончания такого посягательства.

К числу обязательных признаков субъекта необходимой обороны нельзя относить наличие у такого лица какого-либо служебного положения,

профессиональной или иной специальной подготовки, обуславливающих действия, направленные на пресечение преступлений (наличие статуса сотрудника правоохранительных органов, статуса военнослужащего и т.д.). Тем не менее, указанные лица могут выступать субъектами необходимой обороны.

В научных публикациях ставится вопрос о возрасте субъекта необходимой обороны. Однако, данная точка зрения справедлива лишь для субъекта превышения пределов необходимой обороны, как субъекта состава соответствующего преступления, но не для субъекта необходимой обороны.

Дело в том, что в действиях субъекта необходимой обороны отсутствует виновность действий, что, в том числе, обуславливает непроступный характер причинения вреда в условиях необходимой обороны – в действиях обороняющегося отсутствует состава преступления.

Таким образом, субъект необходимой обороны (обороняющийся) – это физическое лицо, способное осознавать общественную опасность действий посягающего лица, а также способное руководить своими действиями, направленными на защиту своей личности и своих прав, а также иных лиц.

С точки зрения внутреннего отношения субъекта необходимой обороны к оборонительным действиям, исследуемый институт характеризуется невиновностью и желанием активного противодействия противоправным действиям посягающего.

Что касается мотивов и цели действий лица, осуществляющего необходимую оборону, законодатель их не конкретизирует, а значит, они не влияют на определение действий обороняющихся, как соответствующих или не соответствующих содержанию института необходимой обороны.

Субъект необходимой обороны может действовать, следуя самым разным целям и руководствуясь самыми разными мотивами – в том числе и теми, которые вряд ли можно счесть социально одобряемыми и основанными на высоко нравственных основах.

Формулируя условия правомерности оборонительных действий, законодатель, как представляется, напрасно указывает в содержании ст. 37 УК РФ на такую форму осуществления противоправного посягательства, как нападение, поскольку никак нельзя ставить знак равенства между противоправным посягательством и совершением нападения. А осуществить действия, связанные с необходимой обороной допустимо не только при наличии нападения, но и при иных формах противоправного посягательства.

Существующие в науке мнения относительно ограничения права на необходимую оборону применительно к противоправным посягательствам несовершеннолетних беспочвенны – в подобных ситуациях нет основания для ограничения права на необходимую оборону, поскольку деяние, независимо от того, кем оно реализуется в объективной реальности (в том числе, недееспособным или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности), обладает общественной опасностью и способно причинить ущерб.

Условие наличия посягательства связана с правильным определением пределов осуществления посягательства во времени. В этой связи, необходимо отметить отсутствие чётких критериев определения момента, с которого возникает непосредственная угроза применения насилия со стороны посягающего лица. Представляется, что в рамках цитируемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 должны быть более подробно определены критерии, которые свидетельствуют о немедленном переходе виновного к осуществлению объективной стороны посягательства.

Относительно предложений об устранении из текста УК РФ пределов необходимой обороны, следует заметить их неприемлемость. Отказ от ответственности за превышение пределов необходимой обороны невозможен ввиду того, что подобное может иметь, так называемый, «обратный эффект». Под «прикрытием» института необходимой обороны может на псевдо-законных основаниях осуществляться самосуд над лицами, преступившими уголовно-правовой запрет, поскольку формально любые средства отражения

противоправного посягательства в виде, например, мелкого хищения овощей на дачном участке, будут признаваться допустимыми, несмотря на абсурдность. А значит, пределы необходимой обороны должны присутствовать в нормах уголовного закона.

Тем не менее, уточнение допустимых пределов необходимой обороны в ст. 37 УК РФ целесообразно и желательно. В частности, представляется целесообразным включить в текст ст. 37 УК РФ положений, допускающих причинение вреда посягающему лицу при противоправном проникновении в жилище, поскольку наиболее резонансные ситуации, обуславливающие необходимость защищать свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье членов своей семьи, возникает именно в ходе противоправного вторжения посторонних лиц в жилище.

Подобное дополнение позволит гражданам правомерным образом осуществлять защиту своего жилища и может стать способом дополнительной профилактики деяний, совершаемых с проникновением в жилище.

Для этого следует внести изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ и изложить её в следующей редакции: «1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также в целях предотвращения противоправного проникновения в жилище или иное помещение, используемое обороняющимся на законных основаниях».

Институт необходимой обороны должен выполнять свою роль в комплексе средств защиты индивида от противоправных действий и гарантироваться государством в качестве допустимого и не влекущего ответственности для обороняющегося. Соответственно, правоприменитель в

лице органов предварительного расследования, а также суда, должен руководствоваться презумпцией невиновности лица, действующего в состоянии необходимой обороны, разрешая вопрос о наличии в его действиях превышения пределов необходимой обороны. Существующая правоприменительная практика не должна быть противоречивой и должна строиться на объективной оценке действий лица, находящегося в состоянии необходимой обороны.

Таким образом, законодателю необходимо совершенствовать нормативные формулировки института необходимой обороны, обращаясь к выдвигаемым в науке предложениям, а правоприменителю, в свою очередь, следует более взвешенно подходить к оценке оборонительных действий и привлекать обороняющихся к ответственности лишь в случаях явного (и никакого иного) несоответствия оборонительных действий характеру, обстановке и иным особенностям противоправного посягательства, имеющего место в объективной реальности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Артикул воинский от 26.04.1715 г. Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. - М. : Проспект, 2008.
2. Архив Верховного Суда РФ. Дело № 44-099-132 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
3. Аршинов А.С. К вопросу о стадиях при превышении пределов необходимой обороны // Актуальные проблемы современной науки: Международная научно-практическая конференция. Вып. 2. Т. 2. Ставрополь, 2013. С. 13-19.
4. Балмочных С.В. Необходимая оборона в системе уголовно-правового поощрения // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1. С. 198-203.
5. Баранова Е.А. Необходимая оборона. М.: Юрлитинформ, 2007. 377 с.
6. Васеева В.В. Необходимая оборона в историческом развитии // Общество. Культура. Преступность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. 2006. С. 45-50.
7. Гамаюнов Н.С., Прошляков А.Д. Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны: монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 325 с.
8. Гончаров Е.И. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 219 с.
9. Даровских Д.А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2010. № 3. С. 6-9.
10. Дядюн К.В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов // Адвокат. 2013. № 9. С. 15-19.

11. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

12. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Обоснованный риск в сравнении с другими обстоятельствами, исключаящими преступность деяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 80-85.

13. Карпов А.А., Платонова Е.Г. Место и роль уголовно-правового института превышения пределов необходимой обороны // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2013. С. 320-323.

14. Кибальник А.Г. История преступления и наказания в трудах профессора А.В. Наумова // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 237-242.

15. Колмакова Г.Н. Превышение пределов необходимой обороны // Законность. 1992. № 11. С. 16-19.

16. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М.: Остожье, 1996. 450 с.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

18. Кузько Е.С. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения // Российское правоведение: Трибуна молодого ученого: Сборник статей. Вып. 14. Томск, 2014. С. 146-150.

19. Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Рязань, 1998. 258 с.

20. Миронов С.И. История развития института необходимой обороны // Актуальные проблемы российского и зарубежного права. Материалы научной конференции аспирантов кафедры гражданского и трудового права РУДН. Москва, 25 января 2002 г. М., 2003. С. 340-346.

21. Неврев А.В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 166 с.
22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9.
23. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 215 с.
24. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 215 с.
25. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. 181 с.
26. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
27. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11, ноябрь, 2012.
29. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 5. 1984. (Акт утратил силу).
30. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 22.01.2015 г. № 44-У-184, 185-2014 // СПС «Консультант плюс». Документ официально опубликован не был.
31. Пронькина Е.А. Необходимая оборона как один из способов защиты граждан от преступных посягательств // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Материалы Всероссийской

межведомственной научно-практической конференции (19-20 февраля 2004 г.) М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2004. С. 425-431.

32. Птащенко Д.С. Мнимая оборона в уголовном праве государств – участников Содружества Независимых Государств: особенности законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 260-263.

33. Разилова А.В. Мнимая оборона в уголовном праве России // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 23-26.

34. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. - М., 2014. 530 с.

35. Русская Правда. Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. - М., 1998.

36. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М. : Юрид. лит., 1988. 215 с.

37. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. 189 с.

38. Смирнов А.М. Необходимая оборона или необходимая защита? // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 77-81.

39. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. 350 с.

40. Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. 259 с.

41. Тонконогов А.В. Правовая аномалия уголовного законодательства России: «Превышение пределов необходимой обороны» // Закон и право. 2021. № 5. С. 17-20.

42. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

43. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М., 2015. 1184 с.

44. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М. : НИЦ ИНФРА-М, 2014. 650 с.
45. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
46. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
47. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 1. XI-XIX века. М., 1999.
48. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
49. Чудиновских А.О., Игнатов С.Д. К вопросу об особенностях доказывания по делам о превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2011. № 23. С. 10-15.
50. Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. 158 с.
51. Шахов С.А. Актуальные вопросы ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны // Труды юридического факультета. Т. IV. Работы студентов и молодых ученых по актуальным проблемам конституционного и гражданского права. СПб., 2014. С. 208-211.